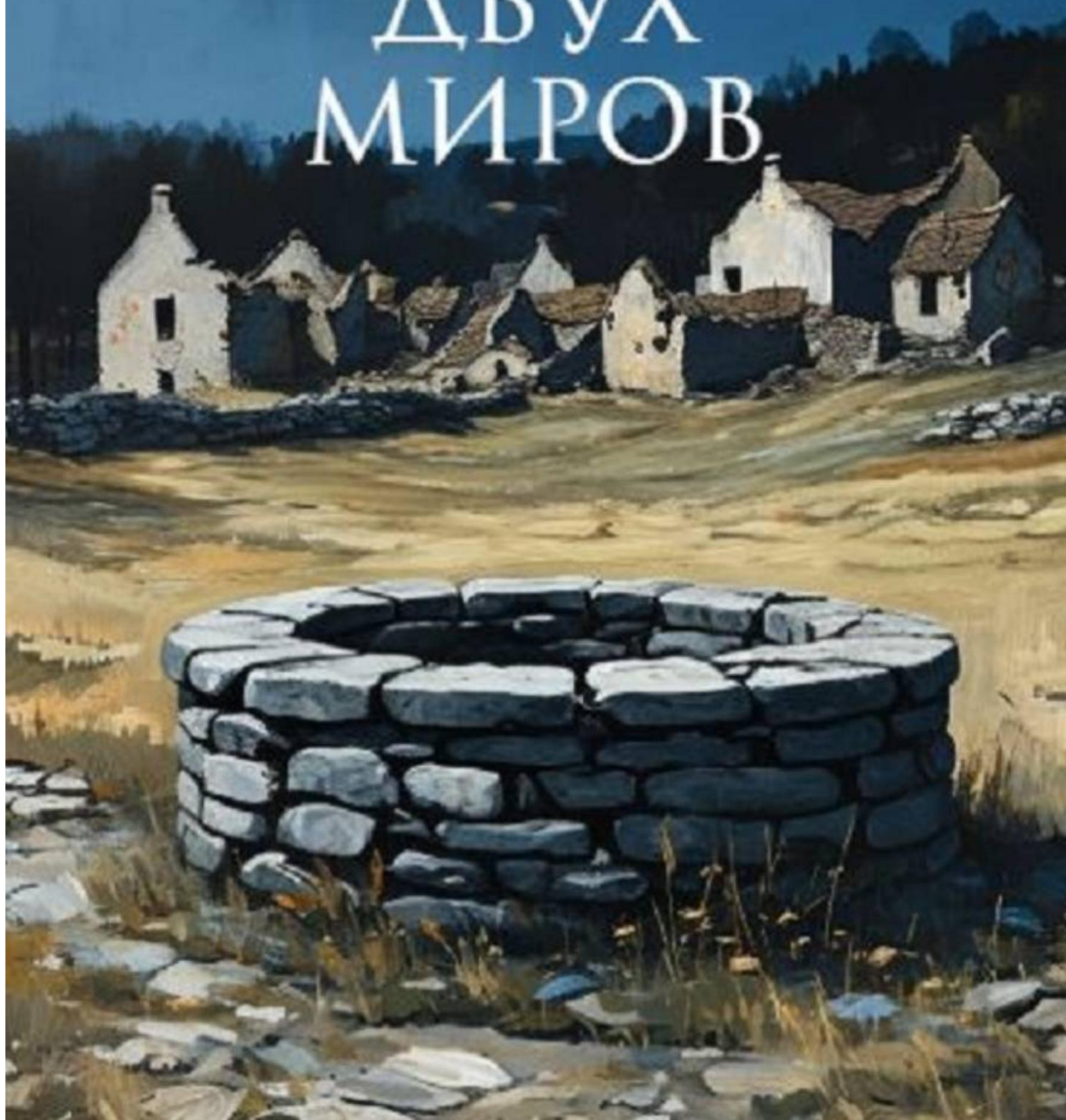

СЕРГЕЙ ПРИМАЧЕНКО

КОЛОДЕЦ ДВУХ МИРОВ

Сергей Примаченко

Колодец двух миров

«Автор»

2026

Примаченко С. А.

Колодец двух миров / С. А. Примаченко — «Автор», 2026

В тихом посёлке пропадают люди, а старый колодец хранит мрачные секреты. Марта ищет брата, Эрих — исчезнувшего дядю. Вместе они раскрывают тайну древнего портала, связывающего мир людей с подземным царством цвергов, где время течёт по иным законам.

© Примаченко С. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Сергей Примаченко

Колодец двух миров

Пролог

В тихой комнате, где воздух был густ от запаха старой бумаги и воска, солнечные лучи тянулись сквозь узкие окна, выхватывая из полумрака вихри пылинок. Они кружились, будто крошечные призраки забытых историй, и медленно оседали на корешки фолиантов. Мужчина средних лет сидел за тяжёлым дубовым столом, его пальцы привычно скользили по пожелтевшим страницам, не спеша, с почти ритуальной осторожностью. Он не спешил — он слушал тишину, в которой, казалось, ещё жили голоса прежних владельцев этих книг.

Вокруг стояли шкафы, набитые томами, чьи названия давно стёрлись с корешков. На полках теснились потрёпанные сборники преданий, путевые заметки, церковные летописи и даже чьи-то личные дневники, исписанные мелким, почти неразборчивым почерком. Всё это он собирал годами, терпеливо вычлняя из вороха слов крупницы истины. Для него каждая строчка была не просто текстом — она была следом, оставленным кем-то в прошлом, следом, который можно было прочесть, если знать, куда смотреть.

Он перелистнул страницу, задержался на абзаце, где дрожащим почерком было выведено: «В безлунные ночи пустошь становится чужой». Строка будто царапнула что-то внутри, пробудив давно тлеющее любопытство. Он уже слышал эти слова в рассказах стариков, видел их в обрывках легенд, но теперь они вдруг сложились в узор, слишком чёткий, чтобы быть случайностью.

Пустошь. Колодец. Пропажи.

День выдался ясным. Солнце грело спину, ветер шевелил сухую траву, и казалось, что мир устроен просто и понятно. Но чем ближе он подъезжал к пустоши, тем ощутимее становилась тишина.

Лошадь фыркнула, будто чувствуя эту тишину, и он мягко погладил её шею, прежде чем оставить у покосившегося столба, который когда-то был частью ограды. Вокруг тянулись руины: остатки стен, поросшие мхом камни, обломки балок, давно сгнивших и рухнувших. Люди, когда-то жившие здесь, ушли, оставив после себя лишь шрамы на земле.

Каменный круг колодца стоял посреди этой пустоты, словно застывший глаз, глядящий в никуда. Доски, когда-то перекрывавшие его, давно рассыпались в труху, и теперь над чёрной пастью зияла пустота, манящая и пугающая одновременно. Он подошёл ближе, потрогал шершавый камень, словно пытаясь прочесть его историю на ощупь.

Верёвка легла в руки привычной тяжестью. Он закрепил её на стволе старого дуба, чей корень оплёл камень, будто пытаясь удержать его на месте. На мгновение он замер, прислушиваясь к тишине, а потом шагнул к краю.

Спуск был медленным. Камень царапал пальцы, верёвка скрипела, а воздух становился всё тяжелее, пропитанный запахом сырости и вековой пыли. Когда его ноги коснулись дна, он зажёл масляную лампу. Пламя дрогнуло, будто испугавшись собственной тени, и вытянуло длинные, ломаные силуэты по стенам колодца.

Он водил светом по кругу, высвечивая трещины, наросты известняка, следы воды, давно ушедшей отсюда. И вдруг луч зацепился за что-то металлическое — тонкий, резкий отблеск, который не мог быть ни камнем, ни ржавым мхом.

Он наклонился, провёл пальцами по холодному металлу. Пуговица. Не новая, с едва заметным узором, будто стёртым временем или чьими-то торопливыми руками. Края были

чуть закруглены, металл потемнел, но узор ещё угадывался — стилизованный герб, наполовину изъеденный временем, но всё ещё читаемый.

В голове тут же всплыла старая история — о королевском посыльном, который исчез, срезая путь через пустошь. Тогда эту историю рассказывали шёпотом, будто боялись, что земля услышит и повторит. Теперь же она вдруг стала настоящей, осязаемой, лежащей у него на ладони.

Он аккуратно завернул пуговицу в лоскут ткани, который всегда носил с собой, и записал в дневник: «Нашёл в колодце. Похоже на пуговицу посыльного. Надо проверить архивы». Слова легли на бумагу сухо, без эмоций, но внутри всё гудело от напряжения, от ощущения, что он только что переступил невидимую черту.

Снова библиотека. Снова пылинки, кружащиеся в солнечных лучах. На столе рядом с фолиантом лежала пуговица, прикрытая тонкой тканью, будто даже здесь, среди книг, ей не полагалось быть на виду. Он достал толстый том с потрёпанным корешком — «Записки о Нижнем Полесье». Страницы шелестели, как сухие листья, и каждая строчка будто тянула его глубже в прошлое.

Слова мелькали перед глазами: «пропал», «сумасшедший Альбрехт», «пропавший посыльный», «безлунная ночь», «колодец на пустоши». Он сопоставлял даты, имена, места, выстраивая цепочку, которая становилась всё длиннее и всё страшнее. Исчезновения происходили не случайно. Они шли по кругу, повторяясь в одни и те же дни, в одних и тех же местах, будто кто-то или что-то вело счёт.

Его палец скользил по странице, останавливаясь на каждом упоминании, пока не замер на одном слове. Оно выделялось среди прочих, будто написанное другим почерком, более резким, более отчаянным.

«Цверги».

Он повторил слово про себя, прислушиваясь к его тяжести. Оно не было привычным, не было частью тех историй, которые рассказывают детям перед сном. Это слово звучало как предупреждение, как имя чего-то, что не должно было существовать в мире, где есть дороги, дома и почтовые курьеры.

Он снова посмотрел на пуговицу. Потом — на страницу. И в этот момент понял: он не просто нашёл вещь. Он нашёл начало истории, которую никто не хотел рассказывать.

Перед тем как окончательно собраться в дорогу, мужчина помедлил. Он тихо приоткрыл дверь в соседнюю комнату. Сквозь щель пробился мягкий свет, упавший на край кровати, где, свернувшись калачиком, спал маленький мальчик. Его дыхание было ровным, спокойным, а лицо — безмятежным, словно мир ещё не успел показать ему свои острые края. Мужчина постоял так несколько мгновений, будто стараясь удержать в памяти эту картину, эту хрупкую тишину. Потом он бесшумно прикрыл дверь, будто запечатывая за ней покой, и вышел.

Ночь без луны была особенно чёрной — такой, будто небо просто забыли включить. Ни звёзд, ни отблеска далёких огней, только густая, плотная тьма, в которой каждый звук становился громче, а каждый шорох — подозрительнее.

Мужчина прятался за обломками стены, прижавшись спиной к холодному камню. Он пришёл сюда не для того, чтобы прятаться, но что-то подсказало ему: сегодня лучше не быть на виду. Что-то в воздухе изменилось, стало тяжелее, будто сама тишина обрела вес.

Он замер, прислушиваясь. Сначала ему показалось, что это ветер шевелит сухую траву. Потом — что это скрип старого дерева. Но затем он услышал шаги. Не человеческие. Слишком ровные, слишком тяжёлые, будто каждый шаг был рассчитан, выверен, как удар молота по наковальне.

Он выглянул из-за камней — на мгновение, лишь на долю секунды, чтобы убедиться, что глаза его не обманывают. И в тот же миг его лицо исказилось от удивления и ужаса. Он

увидел то, что не должен был видеть. То, о чём писали в старых книгах лишь намёком. То, что заставляло людей уходить с пустоши и никогда не возвращаться.

Мужчина отпрянул назад, прижался к камню, стараясь даже не дышать. Его сердце колотилось так громко, что, казалось, его могли услышать даже там, у колодца. Он понял: он увидел слишком много. И теперь самое главное — чтобы они его не заметили.

Глава 1

Вечер опустился на посёлок мягко, будто накинул на крыши тёплый шерстяной платок. В доме Марты и Йонаса пахло печёным хлебом, дымом и старым деревом — запахами, которые Марта знала наизусть и которые обычно её успокаивали. Отец уже спал в дальней комнате, его ровное дыхание время от времени перекрывалось лёгким храпом, а в кухне мать, склонившись над печью, тихо напевала себе под нос незатейливую мелодию, помешивая что-то в чугушке. Пламя в печи вздрагивало, отбрасывая на стены живые, пляшущие тени.

В большой комнате было просторно и уютно: лавки стояли вплотную, на полках теснились глиняные горшочки и связки сушёных трав, а над столом висела керосиновая лампа, чей свет не столько разгонял темноту, сколько договаривался с ней о перемирии. Марта сидела за верстаком в углу — её маленьком царстве, где всё имело своё место: катушки ниток, лоскутки ткани, иголки, разложенные по коробочкам, и недошитый жилет, который она обещала закончить к воскресной ярмарке. Она водила пальцами по ткани, проверяя шов.

Йонас же метался по комнате, как ветер, которому стало тесно в переулке. Он то подходил к окну и всматривался в сгущающиеся сумерки, то брал с полки какую-нибудь безделушку, крутил её в руках и ставил обратно, не замечая, что ставит не туда. В его движениях было столько нетерпения, что даже воздух, казалось, звенел от него.

— Опять ты за своё, — негромко сказала Марта, не поднимая глаз от жилета. — Сидел бы спокойно, помог бы матери хоть чем-нибудь. Или почитал бы. У нас вон целая полка книг стоит.

— Читать про то, как кто-то когда-то жил, когда прямо сейчас можно что-то сделать? — фыркнул Йонас и присел на край лавки, тут же вскочив, будто сидеть ему было физически больно. — Знаешь, я сегодня у старого Ганса был. Он столько историй знает... про пустошь, про колодец. Ты бы только послушала!

Марта вздохнула и воткнула иголку в подушечку. Она знала этот тон: он означал, что Йонас уже не здесь, в тёплой комнате, а где-то там, на границе света и тьмы, где легенды становятся правдой, если очень сильно в них верить.

— Йонас, ну сколько можно? Пустошь — это просто заброшенный посёлок. Колодец — это дыра в земле, откуда когда-то воду набирали. Всё.

— Не всё! — горячо возразил он, подходя ближе и упираясь ладонями в край верстака, так что катушки едва не посыпались на пол. — Ганс сказал, что там, в колодце, цверги прячут горшок с золотыми гульденами. Целый горшок! Представляешь? Золото! Не какие-то там медяки, а настоящие золотые монеты, которых хватит, чтобы... чтобы всё изменить.

Марта подняла на него глаза. В них не было насмешки, но была усталость — та самая, которая приходит, когда ты слишком долго пытаешься удержать что-то, что рвётся из рук.

— И что ты сделаешь с этим золотом? купишь себе новый плащ и будешь ходить по посёлку, как принц? Или, может, уедешь в город и станешь там кем-то важным?

Йонас на мгновение запнулся, будто слова Марты ударили не по гордости, а по чему-то более хрупкому.

— Я... я не знаю. Но я знаю, что не хочу всю жизнь сидеть в этой комнате и штопать чужие штаны. Не хочу, чтобы обо мне говорили: «Это Йонас, сын кузнеца, который так ничего и не сделал». Я хочу доказать, что я могу. Что я не просто мальчишка, который подносит уголь и держит молот.

Марта хотела сказать что-то резкое, хотела напомнить, что отец и так едва справляется, что матери нужна помощь, что у них и так хватает забот без этих сказок. Но вместо этого она тихо произнесла:

— Ты уже многое делаешь. Ты помогаешь отцу. Ты носишь воду, чинишь забор, ходишь на рынок. Это тоже важно.

— Это рутина, — отрезал Йонас, отворачиваясь к окну, за которым уже окончательно стемнело. — Это то, что делают все. А я хочу сделать что-то своё. Что-то, о чём будут говорить.

— Говорят обычно о тех, кто живым домой возвращается.

Йонас дёрнул плечом, будто хотел стряхнуть с себя эти слова.

— Да ладно, тебе, я же не собираюсь туда прямо сейчас идти. Просто... просто эта история не выходит у меня из головы. Ганс ещё рассказывал про пахаря. Тот тоже хвалился своей силой и храбростью. В одну из безлунных ночей отправился к колодцу. А наутро его встретили у околицы: шёл задом наперёд, размахивал руками, улыбался во весь рот и говорил на каком-то странном языке, которого никто не понимал. Его потом к знахарке водили, да только ничего не помогло. Так и остался... не в себе.

Марта почувствовала, как по спине пробежал холодок, но постаралась не показать этого.

— Ну вот, видишь? Это же предупреждение. Не надо туда ходить.

Но Йонас будто не слышал её.

— А ещё был королевский посыльный. Решил срезать путь через пустошь. Жители его отговаривали, говорили, что в такие ночи лучше стороной обходить. Но он настоял на своём и поскакал. До замка так и не добрался. Потом гвардейцы приезжали, искали. Один даже в колодец спустился, верёвку брал, фонарь. Но ничего не нашли. Ни его, ни следов. Как будто земля его проглотила.

Он говорил быстро, жадно, словно сам подпитывался этими страшными историями, превращая страх в азарт.

— Вот видишь! — воскликнула Марта. — Если даже гвардейцы ничего не нашли, значит, там ничего нет!

Она встала, положила недошитый жилет на верстак и подошла к брату. Её голос звучал твёрже, чем она сама себя чувствовала:

— Йонас, послушай меня. Я не смею над твоими мечтами. Правда. Но эти истории... они не про приключения. Они про то, как люди теряются. Про то, как они возвращаются... не такими, как были. Не ходи туда. Пожалуйста.

Йонас посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на благодарность за эту просьбу, но тут же сменилось упрямым блеском.

— А если я найду это золото? Если я принесу его сюда, покажу всем, что я не просто сын кузнеца? Тогда ты согласишься, что мир больше, чем твоя мастерская? Что в нём есть место не только для швов и ниток, но и для чудес?

Марта сжала кулаки, чувствуя, как внутри поднимается волна обиды и страха.

— Я верю, что мир большой. Но я также верю, что некоторые двери лучше не открывать. И колодец — одна из них. Не ходи туда. Это просто старый колодец. Ты только себя насмешить.

Эти слова прозвучали резче, чем она хотела, и Йонас вспыхнул, будто от них занялось пламя.

— Насмешить? Значит, ты думаешь, что я просто мальчишка, который верит в сказки? Что я ничего не могу?

— Я не это имела в виду!

— А звучит именно так! — крикнул он, уже не сдерживаясь. — Ты всегда так: «Не делай этого, это опасно», «Не говори глупостей», «Сиди тихо и работай». А я не хочу сидеть тихо! Я хочу жить!

Он резко развернулся и шагнул к двери. Марта хотела броситься за ним, схватить за рукав, удержать, но ноги будто приросли к полу. Обида сковала её, не давая сделать шаг.

— Йонас, подожди! — крикнула она, но он уже распахнул дверь, и холодный вечерний воздух ворвался в комнату, растрепав волосы и погасив на мгновение пламя лампы.

Дверь хлопнула. Звук был таким гулким, будто в нём отразилась вся тяжесть их ссоры. Марта осталась стоять посреди комнаты, чувствуя, как тишина, оставшаяся после брата, становится тяжелее с каждой секундой.

Она не побежала за ним. Не потому что не хотела, а потому что была уверена: он скоро вернётся. Ведь куда ему идти в такой час? Посидит где-нибудь на крыльце, остынет, потом тихонько проскользнёт обратно, и они сделают вид, что ничего не случилось. Так бывало уже не раз.

Но ночь тянулась, и дом, который ещё недавно казался тёплым и надёжным, теперь будто остыл, став слишком большим и слишком пустым. Пламя лампы дрожало, отбрасывая длинные тени, которые, казалось, тянулись к дверному проёму, словно пытаясь удержать то, что уже ушло.

А за стенами дома, там, где кончался свет и начиналась тьма, ждала пустошь. И колодец, этот застывший глаз, смотрел в никуда, храня свои тайны и свои обещания. И где-то там, в темноте, Йонас шёл вперёд, ведомый надеждой на чудо, которое могло изменить всё.

Глава 2

Утро в посёлке выдалось не таким, как обычно. Вместо привычного размеренного шума — скрипа дверей, мычания коров, голосов женщин у колодца, стука молота в кузнице — над домами повисла тревожная тишина. Натянута, будто струна, готовая вот-вот лопнуть.

Всё началось с того, что мать Йонаса и Марты тихо позвала его из кухни. Потом громче. Потом выбежала во двор, оглядывая пустые дорожки, будто надеялась увидеть, как он возвращается с дровами или с утренней прогулки. Марта, едва проснувшись и сразу почувствовав эту неправильность, поняла: Йонас не вернулся. И не просто не вернулся — он исчез в той самой темноте, которую она так боялась.

Весть о пропаже разлетелась по посёлку быстрее, чем дым от печи. Сначала шепотом, потом всё громче, пока не превратилась в гул, который заполнил каждый переулок. Люди выходили из домов, застёгивали куртки, подтягивали пояса, будто сама спешка могла помочь найти пропавшего. Староста, плотный мужчина с тяжёлым взглядом и привычкой говорить коротко, собрал мужчин у площади. Его голос звучал твёрдо, но в нём угадывалась тревога:

— Йонас пропал. Вчера вечером ушёл и не вернулся. Будем искать. Разделимся. Кто-то на луга, кто-то в лес, к старой мельнице, к заброшенным сараям. Осматривайте всё. Даже то, что кажется пустяком.

Марта стояла чуть поодаль, в тени навеса, сжимая в пальцах край платка. Она видела, как люди кивают, как берут с собой верёвки, фонари, топоры, будто собирались не искать мальчишку, а идти на битву с чем-то большим и невидимым. Ей хотелось крикнуть: «Подождите! Не надо так!» — но слова застревали в гортани.

Она не рассказала про ссору. Не рассказала про колодец и про то, как Йонас говорил о золоте и чудесах. Ей было стыдно за свои резкие слова, за насмешку, которая теперь казалась ей предательством. А ещё она боялась, что если скажет про легенды, её сочтут истеричной, начнут шептаться, что сестра сама довела брата до беды.

Поэтому она молчала. Только слушала, как в разговорах всплывают старые истории, будто из тёмного угла вытащили пыльный сундук с чужими страхами.

— Говорят, гвардейца одного послали сюда, когда посыльного искали, — бормотал один из парней, поправляя лямку мешка. — Он в колодец спускался. Вернулся бледный, как полотно. И после этого ни слова про пустошь не говорил. Даже когда спрашивали.

— А Альбрехт-то, помните? — подхватил другой, понизив голос, будто боялся, что ветер унесёт его слова прямо к пустоши. — Тот, что с головой не в ладу стал. Он ведь у колодца был. В безлунную ночь пошёл, а вернулся... ну, вы знаете. Улыбался, руками махал, на своём языке что-то бормотал. Так и прожил остаток дней, будто мир для него стал другим.

Люди спорили. Кто-то отмахивался: «Суеверия, бабьи сказки». Кто-то кивал, будто эти истории были не сказками, а предупреждениями. Но все чувствовали одно: дело неладно. И чем больше говорили, тем тяжелее становилось в груди у Марты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.